

НОВЫЯ КНИГИ.

Робертъ-дэль-Оуэнъ. *Спорная область между двумя мірами.* Наблюденія и изысканія въ области медиумическихъ явленій. Съ рисунками. Съ англійскаго К. Полянскій. Спб. 1881.

Блаженъ кто вѣруеть, тепло тому на свѣтѣ! Въ самомъ дѣлѣ тепло: еще Мармеладовъ Достоевскаго находилъ, что «непремѣнно нужно, чтобы каждому человѣку можно было куда-нибудь идти», а для слѣпо-вѣрующаго всегда найдется путь, по которому онъ и пойдетъ съ легкимъ сердцемъ и безмятежнымъ умомъ. А все-таки этому «блаженству» далеко не всегда можно позавидовать. Титулярный совѣтникъ Поприщинъ твердо вѣрилъ въ свое королевское достоинство, наслаждался своею властью, но

едва ли найдется такой честолюбивый человекъ, который бы пожелалъ быть на его мѣстѣ. Въ сферѣ вѣрваній работа критическаго разума бесполезна и излишня, точно такъ же, какъ въ сферѣ точныхъ идей скептической мысли долженъ быть открытъ самый широкій просторъ. Смѣшивать эти «два ремесла» — значить, ни больше ни меньше, какъ свидѣтельствовать объ отсутствіи надлежащаго равновѣсія въ своемъ психическомъ мірѣ.

Вотъ пунктъ, относительно котораго современные спириты или «спиритуалисты» никакъ не могутъ согласиться съ своими противниками. Еще Карпентеръ замѣтилъ, что вѣра въ спиритическія явленія заключается «въ страстномъ желаніи человѣческаго сердца (эмоціональной природы человѣка) получить какія-нибудь завѣренія относительно продолженія существованія нашихъ усопшихъ друзей, а слѣдовательно, и нашего собственнаго будущаго существованія». Ничего не можетъ быть справедливѣе этого замѣчанія. Основа спиритическихъ, какъ и всякихъ другихъ вѣрваній, основа чисто психологическая, субъективная. Не потому люди вѣрятъ, что они видѣли, слышали, осязали, а, наоборотъ, потому они видѣли и слышали, что вѣрили. Спириты обыкновенно не хотятъ признать этой простой истины, и оно, если хотите, естественно: кому же охота признать себя психически нездоровымъ человекомъ? Въ силу этого, мы обыкновенно слышимъ отъ спиритовъ увѣренія въ ихъ добросовѣстности, въ ихъ искренности, въ тщательности ихъ наблюденій — какъ будто, за рѣдкими исключеніями, въ этомъ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе! Но вѣдь дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, приступая къ спиритическимъ опытамъ, человекъ уже дѣйствуетъ подъ вліяніемъ того «страстнаго желанія», о которомъ говоритъ Карпентеръ, и, разумѣется, видитъ то, что ему *хочется* видѣть. Господа спириты это объясненіе рѣшительно отрицаютъ. Они защищаютъ *объективную* реальность спиритическихъ явленій, они подыскиваютъ своимъ видѣніямъ научное оправданіе, они усматриваютъ въ спиритизмѣ «расширеніе области человѣческаго знанія». Это — уже совсѣмъ другое дѣло. Пока спиритизмъ остается въ границахъ простаго вѣрванія — съ нимъ можно еще примириться. Но разъ его хотятъ сдѣлать обязательнымъ для нашего ума — онъ теряетъ свою относительную безобидность и становится активнымъ орудіемъ (пассивнымъ онъ всегда былъ) всяческаго иракобѣсія. Какъ бы господа спириты ни отрещивались отъ этого вывода, онъ остается неприкосновеннымъ. Неголько слянія, но и простаго компромисса между спиритизмомъ и наукою быть не можетъ.

Если вѣрить г. Полянскому, Робертъ-дэль-Оуэнъ занялъ въ этомъ основномъ вопросѣ довольно нейтральную и осторожную позицію. Въ подлинникѣ, книга Оуэна распадается на двѣ части — теоретическую, переводъ которой не могъ появиться въ силу нашихъ цензурныхъ условій, и фактическую, переводъ которой вышелъ теперь на русскомъ языкѣ. По свидѣтельству г. Полянскаго, въ первой, «теоретической» части труда Оуэна гово-

рится «о характерѣ новѣйшаго спиритуалистическаго движенія (спиритизма), о его значеніи въ исторіи развитія религіозной идеи и объ отношеніи къ существующимъ церковнымъ ученіямъ». Вотъ это-то мы и называемъ благоразумною осторожностью Оуэна: онъ говоритъ объ отношеніяхъ вѣрованій къ вѣрованіямъ. Къ сожалѣнію, свидѣтельство переводчика никакъ нельзя принять. Даже фактическую часть своей книги Оуэнъ прямо начинаетъ съ нападокъ на науку и ея представителей, настаиваетъ на ихъ некомпетентности въ дѣлѣ познанаія спиритическихъ явленій. Онъ говоритъ: «Фаредэй, какъ физикъ, Гершель, какъ астрономъ, Либихъ, какъ химикъ, изучали законы, выраженія которыхъ, ожидаемыя или искусственно подготовляемыя, въ каждый данный моментъ, на любомъ предметѣ опыта поддаются строгому контролю. Но если они упустятъ изъ виду, какой совсѣмъ стличный, какой измѣнчивый матеріалъ представляетъ живая природа, и къ изслѣдованію органической жизни приступать съ тѣмъ же чисто материалистическимъ, неуклоннымъ масштабомъ, какой привыкли прилагать въ области физическихъ явленій, то рискуютъ тутъ совершенно сбиться съ пути и отступить безъ результатовъ... Мы слышимъ отъ нихъ только предрасудки. Вѣдь предрасудокъ, по самой этимологии слова, есть мнѣніе, которое мы составляемъ себѣ заранѣе, прежде чѣмъ познакомимся съ дѣломъ: слѣдовательно, предрасудкомъ можемъ мы назвать и сужденіе ученаго, какъ бы оно ни было истинно, если онъ не провѣрилъ его противъ мнѣній противоположныхъ, какъ бы они ни были живы» (3).

Языкъ, какъ видите, очень мало скромный, языкъ побѣдителя! У спиритовъ, впрочемъ, это дѣло обыкновенное. Всѣми силами поддѣлываясь къ наукѣ, всѣми правдами и неправдами добываясь ея санкціи, они принимаютъ комически-высокомѣрный тонъ, какъ только удостовѣряются, что наука дружитъ съ ними не намѣрена. Фарадэй, Гершель, Либихъ—ученые, конечно, почтенные, но ихъ авторитетъ не распространяется на область явленій органической жизни. Они компетентны въ физикѣ, но относительно «живой природы» надо слушаться спиритовъ. Насколько эта спиритическая смѣлость прилична — пусть судить читатель. А затѣмъ не лишена достоинствъ и логика спиритовъ. Они заявляютъ, что ученому, для провѣрки его теорій, необходимо рассмотретьъ *всѣ* несогласныя съ этой теоріей мнѣнія. Спиритамъ такой удивительный методъ былъ бы конечно на руку, но какъ далеко подвинулась бы съ нимъ наука! Мы, напримѣръ, знаемъ, что земля свободно виситъ въ пространствѣ, и полагаемъ, что для прочности этого убѣжденія совершенно достаточно, если оно вполне согласуется съ фактами. Нѣтъ, говорятъ спириты, существуетъ еще теорія трехъ китовъ, которую вы и должны провѣрить и притомъ, провѣрить опытнымъ путемъ, эмпирически. На вашей сторонѣ — продолжаютъ они — только одна категорія фактовъ; рассмотрите и другую, которая

къ тому же и не находится въ противорѣчїи съ вашимъ ученїемъ: земля находится въ пространствѣ, но въ то же время, можетъ быть, стоитъ и на китахъ, которые то же «свободно висятъ въ пространствѣ». Вотъ истинная логика спиритизма. Дедуктивное сужденіе, имѣющее столь огромную научную цѣнность, они отрицаютъ въ принципѣ, что и понятно: такое сужденіе, съ высоты положительной науки, есть въ то же время и осужденіе для спиритизма. Если я вѣрю Ньютону, я не повѣрю Юму и даже, во имя этой самой вѣры моей, не послѣдую приглашенію Оуэна «собственными глазами» посмотрѣть, какъ Юмъ держится на воздухѣ на десяти-саженной высотѣ (265). Другое дѣло, если Юмъ разошлетъ такіа, напримѣръ, пояснительныя афиши къ своимъ представленіямъ: «Чревоущаніе! Невозможность въ дѣйстви! Обезглавленіе головы».

Что касается собственно «фактовъ», добытыхъ Оуэномъ, о нихъ можно сказать только то, что, во-первыхъ, всѣ они очень однородны, во-вторыхъ, до послѣдней степени курьезны и даже смѣхотворны. Оуэнъ заботливо группируетъ и сортируетъ ихъ, такъ что читатель то погружается въ чтеніе «спиритуальныхъ писемъ» (приложены факсимиле), то прислушивается къ спиритуальнымъ стукамъ, «то испытываетъ спиритуальныя ирмосновенія» и т. д. Авторъ сошелся съ духами чуть не на «ты», заставлялъ ихъ продѣлывать всякія штуки и получалъ отъ нихъ множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній. Такъ, духъ одной молодой женщины, явившейся къ мужу «оттуда» съ цвѣтами, свидѣтельствуетъ: «нашъ міръ совершенное подобіе вашего. У насъ есть все (все?) что и у васъ—сады и большое обиліе духовныхъ цвѣтовъ» (227). Любопытное, но довольно, однакожь, непріятное извѣстіе, если въ самомъ дѣлѣ тамъ («гдѣ тамъ? не знаемъ!») «есть все, что и у насъ» и тотъ міръ—«совершенное подобіе нашего»... Другой духъ принесъ съ собой на сеансѣ свѣточъ: «цилиндръ точно изъ горнаго хрустала, или вообще изъ таково же твердаго, совершенно прозрачнаго матерьяла и наполненъ, казалось, какою-то свѣтящеюся жидкостью» (244). Присутствовавшіе на сеансѣ *брам* этотъ свѣточъ *въ руки*, но тѣмъ не менѣе, «стуками было заявлено, что это—свѣточъ, употребляемый дѣйствующими духами для освѣщенія ихъ эфемерныхъ созданій и самъ—такое же эфемерное явленіе, какъ всѣ другія» (245). Эфемерность изъ горнаго хрустала! Затѣмъ берегитесь, читатель, совершать при жизни какія-нибудь преступленія: «преступные духи едва ли не всего чаще являются гостями на землѣ». Мало того: берегитесь жить мелкими интересами, потому что «тоже (т. е. временныя отлучки на землѣ) можетъ-быть и съ духомъ, жившимъ чисто мірскою жизнью, который хотя и не запятналъ себя преступленіемъ, но полагалъ обыкновенно въ пустякахъ всѣ свои жизненныя цѣли, который, живя на землѣ, никогда не помышлялъ о томъ, что лежитъ за ея предѣломъ. Такого духа, много лѣтъ спустя, еще могутъ привлекать сюда

тѣ мелочныя интересы, въ которыхъ протекла его праздная земная жизнь» (148). Охъ, не на чей другой, а на нашъ съ вами, читатель, счетъ ведетъ Оуэнъ эти рѣчи! Мы ли не живемъ мірскою жизнью, наши ли интересы не пустячны—вотъ и придется нашему «духу» періодически посѣщать землю, хотя бы, напимѣръ, затѣмъ, чтобъ при эфемерномъ свѣточѣ, эфемернымъ перомъ паки и паки писать эфемерныя рецензіи. И такое вѣрованіе Оуэнъ считаетъ утѣшительнымъ!

Дальше все въ томъ же родѣ. Вся книга наполнена невозможными, наивно ребяческими сказками, не уступающими заправскимъ сказкамъ въ неправдоподобности, но далеко уступающими имъ въ занимательности. Доказательствъ, кромѣ «ей-ей, самъ видѣлъ», «честное слово, самъ слышалъ», да завѣреній, что всѣ присутствовавшіе не могли быть обманщиками—ровно никакихъ нѣтъ, разумѣется. Мѣстами, впрочемъ, Оуэнъ практикуетъ иной приѣмъ убѣжденія читателя. Расскажетъ какую-нибудь небылицу насчетъ «духовъ», объяснитъ ее по своему и спрашиваетъ: «или мое объясненіе кажется вамъ произвольнымъ? Вотъ, однако, другой такой же случай посѣщенія... и пр. (180). Расскажетъ онъ и этотъ «другой случай» и заявляетъ: «не думаю, чтобы въ настоящемъ случаѣ я могъ еще представить, какое-нибудь свидѣтельство о самоличности сильнѣе сейчасъ переданныхъ. Но у меня есть запасъ другихъ подобныхъ свидѣтельствъ, и нѣкоторыя изъ нихъ я позволю себѣ привести, ради *вящшаго убѣжденія читателя*» (183) и затѣмъ слѣдуетъ разгруженіе «запаса». Вотъ какъ просто! Иксъ опредѣляется игрекомъ, а игрекъ — иксомъ. По мнѣнію Оуэна, рассказать одну небылицу будетъ неправдоподобно, а рассказать сто небылицъ — будетъ во сто разъ правдоподобнѣе.